

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО

И.Е. Суриков

ОСТРАКИЗМ В КЛАССИЧЕСКИХ АФИНАХ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАРНАВАЛ?

Достаточно заметное место в политической системе и политической жизни древнегреческих полисов классической эпохи занимала такая специфическая процедура, как остракизм. Источниками (нарративными и эпиграфическими) остракизм в той или иной форме зафиксирован в ряде эллинских городов-государств. Среди них – Аргос, Мегары, Милет, Сиракузы, Кирена и даже, судя по всему, отдаленный Херсонес Таврический в Крыму¹. Но только о функционировании остракизма в Афинах V в. до н.э. имеется достаточно обильная информация, позволяющая изучать феномен со значительной степенью системности². Соответственно, в первую очередь именно на афинском материале делаются основные выводы по различным вопросам истории и сущности рассматриваемого института. Будем следовать этой традиции и мы³.

Представляется уместным прежде всего дать определение интересующего нас явления. Остракизм (в своей «классической» форме, как он функционировал в демократических государствах V в. до н.э.) – внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фиксированный срок (в Афинах – 10 лет), без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании при применении особой процедуры (в Афинах – с использованием надписанных глиняных черепков, остраконов, откуда и само слово «остракизм»). Весьма принципиальной чертой остракизма было то, что он предусматривал изгнание не за какое-то совершенное индивидом деяние, а в превентивных, «профилактических» целях, во избежание совершения такого деяния в будущем (например, захвата влиятельным лицом единоличной, тиранической власти). Именно поэтому остракизм нельзя считать наказанием. Как известно, не может быть наказания без преступления, *nulla poena sine crimine*.

Закон об остракизме был принят в Афинах в 508–507 гг. до н.э., в период реформ Клисфена, положивших начало классической демократии. Но впервые реально применен он был лишь два десятиле-

тия спустя, в 487 г. до н.э. (изгнание Гиппарха, сына Харма)⁴. На протяжении V в. до н.э. остракизм активно использовался в политической жизни афинского полиса. Последний случай, когда к нему прибегли, имел место в 415 г. до н.э. (изгнание демагога Гипербола)⁵. Однако сам закон об остракизме не был отменен вплоть до окончательной ликвидации афинской демократии в 322 г. до н.э. и в течение всего IV в. до н.э. номинально существовал, хотя реально ни разу не вводился в действие⁶.

Впрочем, у остракизма была и своя «предыстория». Ныне на основании совокупности прямых и косвенных данных можно уже с достаточной степенью уверенности говорить о том, что остракизм не родился из головы Клисфена, как Афина из головы Зевса. Этот институт в той или иной форме существовал – в Афинах, а, возможно, и в некоторых других полисах – еще в архаическую эпоху, в период безусловного преобладания аристократических политических режимов. Ранние, зачаточные формы остракизма мы условно называем «протоостракизмом»⁷. А Клисфен лишь модифицировал старинный обычай, приспособив его к условиям демократического государства, в частности, передал остракизм в ведение народного собрания из ведения Совета – органа более узкого по составу участников.

Рядом исследователей совершенно справедливо подчеркивались определенные религиозные коннотации, изначально присущие остракизму⁸. Особенно настоятельно они подчеркиваются в статье Л. Холл, скромно озаглавленной «Заметки по поводу закона об остракизме», но являющейся, по нашему глубокому убеждению, одной из наиболее интересных и ценных работ, когда-либо посвящавшихся рассматриваемому институту. Исследовательница, пожалуй, впервые в мировой историографии всерьез предложила посмотреть на проблему происхождения остракизма под новым углом, весьма убедительно продемонстрировав, что та форма этой процедуры, которая применялась в Афинах V в. до н.э. и которая лучше всего известна нам, была продуктом длительного развития, протекавшего в течение десятилетий или даже веков.

В конечном счете, как демонстрирует Холл, мы имеем дело с рудиментарной, секуляризованной формой древнего, как мир, магического ритуала – изгнания «козла отпущения» (греч. *φάρμακος*, «фармак»)⁹. Фармак по своему положению являлся *sacrosanctus*, т.е. одновременно «проклятым» и «священным», «неприкасаемым» и «неприкосновенным». Именно поэтому лица, подвергнутые остракизму, с одной стороны, удалялись с территории полиса и тем самым отстранялись от соприкосновения со святынями и от общения с согражданами, а, с другой стороны, имущество таких изгнанников гарантировалось от любых посягательств, оно являлось неприкосновенным.

Отнюдь не случайно, что остракофория проводилась раз в год и не чаще, причем весной, в пору обновления природы: изгнанник как бы уносил с собой «грехи», накопившиеся в гражданской общине в течение очередного календарного цикла¹⁰.

Впрочем, говоря о религиозном происхождении остракизма¹¹, которое само по себе, на наш взгляд, несомненно, необходимо все-таки сделать ограничительное замечание. Следует четко отделять вопрос этиологии феномена от вопроса его актуальной функции. Каковы бы ни были ритуальные истоки интересующей нас процедуры, в V в. до н.э., в демократических Афинах она, бесспорно, воспринималась уже как вполне секуляризованный институт, а жертвы остракофорий вряд ли напрямую ассоциировались с фармаками (разве что на уровне подсознания).

В любом случае необходимо специально подчеркнуть, что, вопреки широко распространенному мнению¹², нет по-настоящему серьезных оснований обязательно связывать остракизм исключительно с демократической формой полисного устройства и только с ней. По сути дела, не существовало какого-либо непримиримого противоречия между практикой остракизма и аристократической или демократической формой правления. Вопрос заключался лишь в том, в ведении какого органа – народного собрания (при демократии) или Совета (при олигархии) эта процедура находилась. А в этом отношении были возможны различные варианты. Известно, например, что даже в Афинах остракизм изначально был прерогативой не экклесии, а какого-то Совета, скорее всего, Совета четырехсот (Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^{rv})¹³.

Остракизм был связан не специально с демократией или олигархией, а с полисным типом древнегреческой государственности в целом. Это чрезвычайно важный момент. Возникновение остракизма было возможно только в полисных рамках, причем в определенных исторических условиях, в обстановке борьбы индивидуалистической и коллективистской тенденций, всегда характерной для полиса¹⁴. Из двух названных тенденций остракизм воплощал, бесспорно, коллективистскую и в ее контексте был вполне правомерен, логичен и конструктивен. Отсюда – его заостренная направленность против конкретных *личностей* из слоя аристократической элиты. С помощью остракизма община контролировала влиятельных индивидов, удерживала их политическое поведение в определенных границах.

Говоря о том, что остракизм – порождение полиса, можно обратить внимание еще на один нюанс. Знаменательным представляется мимоходом высказанное суждение Платона (Gorg. 516d). Говоря о Кимоне, изгнанном в 461 г. до н.э., философ отмечает, что афиняне «подвергли его остракизму, чтобы десять лет не слышать его голоса

(ἵνα αὐτοῦ δέχα ἐτῶν μὴ ἀκούσειαν τῆς φωνῆς)». Данная формулировка должна быть специально акцентирована¹⁵. В условиях политической жизни полиса – с его прямым народоправством и отсутствием средств массовой информации – громадную роль играла непосредственная устная коммуникация: именно на ее уровне осуществлялось общение лидеров, представителей элиты с массой демоса. Афины V в. до н.э. были – даже при широком распространении грамотности – в первую очередь миром устного, а не письменного слова¹⁶. В подобной ситуации единственным по-настоящему эффективным способом обезвредить политического противника было его удаление из полиса (через изгнание, в конце концов через казнь): только таким образом можно было пресечь его контакты с гражданским коллективом. Но зато уж это средство оказывалось действующим безошибочно: стоило политику оказаться за пределами полисной территории (пусть даже и без какого-либо ущемления в правах, без атимии, как при остракизме) – и он терял всякую возможность оказывать влияние на политическую жизнь. Снова убеждаемся, что перед нами типично полисная реалья.

* * *

Нам уже приходилось подробно писать о функциях, которые приобрел институт остракизма в конкретных условиях демократических Афин¹⁷. Эти функции были достаточно многомерны. Если говорить о политическом уровне, то можно отметить, что лидеры конкурировавших группировок, представители элиты использовали остракизм как один из мощных инструментов ведения борьбы друг с другом¹⁸, а для демоса он стал способом выбора (в ситуациях биполярного противостояния) между этими лидерами и их линиями, прежде всего внешнеполитическими. А на уровне социально-психологическом остракизм оказывался своеобразным средством компенсации коллективной фрустрации внутри гражданской общины, причем средством достаточно гуманным (ср. Plut. Aristid. 7).

В рамках данной работы нам хотелось бы коснуться еще одного функционального аспекта остракизма, который представляется тоже немаловажным и небезынтересным, но при этом еще совершенно не привлекал внимания исследователей. В жизни многих обществ, особенно традиционных, доиндустриальных, весьма значительное место занимал феномен карнавала, представлявший собой периодическое (обычно ежегодное) временное снятие бинарных оппозиций во всех сферах бытия, «переворачивание» или, если так можно выразиться, «выворачивание наизнанку» всей системы повседневных отношений. Удивительно тонкий анализ карнавальных

форм культуры был проделан на материале европейского Средневековья М.М. Бахтиным в известной книге о Рабле, и некоторые даваемые им принципиальные характеристики представляется уместным привести.

Празднества карнавального типа, по Бахтину, «были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека»¹⁹. «Каждый праздник рядом со своей официальной – церковной и государственной – стороной имел еще вторую, народно-карнавальную сторону, организующим началом которой был смех...»²⁰. Этот «второй мир народной культуры строится в известной мере как пародия на обычную, то есть внекарнавальную жизнь, как “мир наизнанку”»²¹.

Что же касается древнегреческой культуры, то ее карнавальные элементы, к сожалению, пока не получили должного отражения в историографии, хотя об их наличии можно говорить без всякого сомнения. В классических Афинах «карнавальность» тоже пронизывала собой многие сферы общественной жизни²². Карнавальным началом, в частности, был всецело проникнут театральный жанр древней аттической комедии, для которого характерна, по удачной формулировке Адр. Пиотровского, «мысль о преодолении бытовой повседневности, некая фантастическая перевернутость общественных и природных отношений»²³. Показательно, кстати, что существует определенная связь между комедией и остракизмом, о чем еще будет сказано ниже.

Кажется, есть основания отнести остракизм к институтам карнавального характера, рассматривать его как некую форму «политического карнавала». Подчеркнем сразу: эта мысль еще никем не высказывалась в историографии вопроса. Уже поэтому она – даже в самой осторожной форме – выглядит слишком новой и нетривиальной (пожалуй, даже рискованной), чтобы можно было принять ее как данность. Необходимо сохранить предельную осторожность. С одной стороны, идея представляется нам перспективной и требующей дальнейшего осмысления и развития. С другой стороны, именно по этой причине – чтобы не скомпрометировать эту идею *a limine* – следует попытаться в максимально возможной степени верифицировать ее, подкрепить аргументами.

Остракизм, как мы знаем, проводился не чаще, чем раз в год, а это характерно как раз для мероприятий карнавального типа. Проходили остракофории весной, и опять же в условиях античной греческой культуры это был самый подходящий хронологический промежуток для любых проявлений «карнавальности». Весна была в Элладе временем дионисийских празднеств. Дионис же являлся, бесспорно, наиболее «карнавальным» из всех божеств греческого пантеона.

Его можно считать олицетворением экстаза, порыва, слома всех и всяческих перегородок, в том числе и в социальной сфере, – и в этом смысле антиподом Аполлона, воплощавшего идею меры, формы, упорядоченной гармонии²⁴.

Выше эта строго-ежегодная периодичность остракизма была соотнесена нами с его возможным происхождением из очистительного ритуала «козла отпущения». Здесь следует отметить, что данный ритуал сам по себе может рассматриваться как одна из карнавальных форм культуры²⁵. Карнавалу в целом свойственны катартические мотивы, реализация очищения (индивида и общины) через символику смерти–обновления–возрождения²⁶ (отсюда и все эти характерные карнавальные «превращения», «переодевания», пародирование повседневной действительности и т.п.).

Одной из наиболее важных черт древнегреческого института остракизма было то, что он предусматривал изгнание, в сущности, ни в чем не повинных людей. Подобная практика удаления с территории государства невинных известна в эллинском мире и помимо остракизма. Но все случаи, когда к ней обращались, предполагали именно катартический контекст.

Кстати, остракизм, даже и в своей «классической», практически полностью секуляризованной форме, оставался весьма своеобразной формой голосования. При его проведении конкретные лица, как «кандидаты» на изгнание, заранее не выдвигались²⁷. Об этом свидетельствуют, помимо прочего, сами остраконы – «бюллетени» для голосования на остракофориях. Надписи на них показывают поистине огромный разброс голосов, зачастую поданных против абсолютно ничем не примечательных афинян²⁸. Этим остракофория существенно отличалась от других видов голосования в Афинах. В сущности, ее можно даже рассматривать как голосование, сходное с жеребьевкой, где роль жребия играла неорганизованная совокупность голосов афинских граждан. Жеребьевка же, как известно, всей Античностью однозначно трактовалась как выявление воли богов, их безусловно справедливого решения, и придавала процедуре, в которой использовалась, сакральный оттенок. В таком контексте, скажем, «ничейный» исход остракизма (когда никто из граждан не набирал необходимых для изгнания 6000 голосов²⁹) должен был рассматриваться как прощение полиса богами, снятие необходимости очистительно-искупительных мер. «Карнавал» в таких случаях протекал в наиболее мягкой форме, не приводил к фатальному исходу ни для кого.

Далее, остракизм как институт политической системы выполнял ярко выраженную медиативную роль при снятии бинарных оппозиций в общественной жизни классических Афин. Собственно, в случае назревания таких оппозиций этот механизм обычно и запускался.

В целом для древнегреческой внутривосточной борьбы отнюдь не характерна столь знакомая нам «двухпартийная схема»: эта борьба носила не биполярный, а полицентричный характер³⁰. Существовало большое количество конкурирующих группировок, которые могли объединяться в коалиции для тех или иных конкретно-ситуативных целей. Но именно эта последняя тенденция временами приводила к тому, что биполярное противостояние все-таки складывалось (подчеркнем: не как норма или общий принцип, а скорее как один из возможных вариантов развития событий)³¹.

Вот в таких-то (и, насколько можно судить, только в таких) случаях и вступал в свои права остракизм. Эта мера, расценивавшаяся как очень сильная, была для гражданского коллектива, как правило, последним, крайним средством выбора между двумя лидерами и двумя политическими линиями. Потому-то к этому средству, по большей части, и обращались весьма редко. Остракизмом старались не злоупотреблять – а если начинали злоупотреблять, ничем хорошим для полиса это, как правило, не кончалось³². Нет сомнений, что в целом разногласия между соперничавшими группировками и видными политиками – по поводам важным и не слишком важным – возникали часто, если не постоянно. Но отнюдь не в каждом случае эти разногласия приводили к остракофории. «Суд черепков» вставал на повестку дня тогда, когда демос уже не видел иного способа разрешить назревшее противоречие кроме временного удаления одного из конкурентов.

Вся гражданская община возрождалась через временную, обратимую, не вполне серьезную (и тем самым карнавальную) политическую «смерть» одного из своих лидеров. Остракизм своим острием был направлен исключительно на самых влиятельных лиц. Когда в 415 г. до н.э. его жертвой стал «недостойный» человек – демагог Гипербол (ср. Plato Com. fr. 187 Kock: «Суд черепков не для таких был выдуман»), это привело к дискредитации самой идеи остракизма и выхода института из употребления.

Характерно, что любому карнавалу свойственно акцентирование внимания на личностных моментах, а не на абстрактных категориях. Если идти к его семантическим истокам, периодическое возрождение общины достигалось через личность, посредством ритуальной смерти/воскресения царя-жреца, символизировавшего в конечном счете божество.

Сказанное о личностной акцентировке в полной мере относится и к афинскому остракизму. Справедливо отмечалось³³, что на остракофориях, по сути, стиралась грань между политическим противостоянием и личной враждой, и мотивы многих голосовавших граждан были скорее личными, нежели политическими.

Здесь необходимо отметить, что на целом ряде остраконов, помимо имен «кандидатов», присутствуют также разного рода приписки, посредством которых по-южному экспансивные и непосредственные афиняне выражали свои эмоции (по большей части негативные) в адрес тех или иных своих сограждан³⁴. Судя по всему, такие приписки – в отличие от практики наших дней – не делали «бюллетень» недействительным. Они весьма разнообразны как по содержанию, так и по размеру: от короткого и выразительного ἴτω («пусть уходит»), φεύγετω («пусть отправляется в изгнание») или ἔχε («получай!»)³⁵ до целой фразы из десятка слов. Так, один остракон, направленный против Ксантиппа (отца Перикла), содержит целую небольшую эпиграмму (элегический дистих), сочиненную неким остроумцем, судя по всему, *ad hoc*:

Более всех преступен из оскверненных пританов –
Сей черепок гласит – сын Аррифрона Ксантипп³⁶.

Впрочем, это скорее исключение. Остальные дополнительные приписки на остраконах, как правило, гораздо короче. В подавляющем большинстве они имеют ярко выраженный инвективный характер, представляют собой персональные выпады, часто грубо-бранные («осёл», «предатель», «взяточник», «клеветник», «развратник» и т.п., вплоть до непристойных слов, непереводаемых на литературный русский язык, например, *καταλύων*). Из некоторых надписей становится абсолютно ясно, что в политическую борьбу на остракофориях вкрадывались чисто личные мотивы. Так, один из голосующих против Мегакла, сына Гиппократы, рекомендует на черепке изгнать его *δριμοῦ ἔνεχα*, т.е. из-за какого-то леса. Очевидно, имеются в виду пограничные споры между соседями.

Именно из дополнительных приписок на остраконах мы узнаем о том, что у остракизма, как и подобает на карнавале, была своя смеховая сторона. Ныне о ней, правда, можно составить лишь достаточно смутное представление, поскольку нарративные источники, как правило, не концентрируют внимание на данном нюансе. Однако о том, что эта смеховая сторона присутствовала, недвусмысленно дают понять инвективы на глиняных «бюллетенях». Они часто отличаются фольклорным, юмористическим, подчас обценным характером (обценная лексика вообще в высшей степени свойственна карнавальным формам культуры³⁷).

Здесь перед нами – стык карнавального смеха и политической пропаганды. Между принятием на заседании афинской экклесии предварительного решения о проведении остракизма (прохиротонией) и самой остракофорией всегда имел место определенный временной промежуток, который в разные годы мог продолжаться от двух

до шести недель³⁸. Это время использовалось не только для подготовки процедуры с технической стороны, но, безусловно, и для дискуссий по поводу тех или иных потенциальных «кандидатов» на изгнание (хотя, напомним, официально такие «кандидаты» не объявлялись, но фактически главные из них, несомненно, уже до остракизма были ясны согражданам), а кроме того – для разного рода пропагандистских мероприятий, проводимых членами политических группировок. Афинские политики готовились к остракизму, проводили своеобразные «избирательные кампании» (если можно так выразиться, со знаком «минус»). Иными словами, политический деятель, которому угрожала опасность подвергнуться изгнанию, должен был всячески доказывать, что он не заслужил этой меры, а подлежит ей, напротив, кто-либо из его конкурентов.

Таким образом, главным в «избирательной кампании» перед остракизмом была активная пропаганда, направленная как на собственную апологию, так и, в первую очередь, на дискредитацию соперников. Следует полагать, что дискредитирующие акции начинались задолго до непосредственного голосования черепками и даже, скорее всего, еще до вынесения предварительного решения об остракизме. Но основные, наиболее острые стычки в этой сфере, безусловно, имели место как раз в промежутке между прохиротонией и остракофорией, тем более что некоторые обстоятельства, как мы сейчас увидим, способствовали этому. Пропаганда наверняка велась всеми возможными способами, как в официальной обстановке³⁹, так и в неофициальной, частной. Особенно подходящей для нее были некоторые сценические мероприятия; на этом сюжете необходимо остановиться подробнее, поскольку здесь мы можем наиболее ясно наблюдать непосредственное соприкосновение (и, очевидно, взаимовлияние) двух карнавальных форм культуры.

Именно в период пропагандистских кампаний перед остракизмом в Афинах проходил ряд карнавальных празднеств дионисийского цикла⁴⁰, которые как раз в наилучшей степени могли быть использованы для дискредитирующих инвективных выпадов. Речь идет о Малых (Сельских) Дионисиях с их фаллическими песнями, справлявшихся в основном по демам, а также о Ленеях – празднике уже более крупномасштабном, отмечавшемся на общепolisном уровне и сопровождавшемся постановкой комедий⁴¹. Правда, правильные комедийные агоны на Ленеях (в малом театре), как считается, берут начало не ранее середины V в. до н.э., когда остракизм уже давно применялся. Но и до этой хронологической вехи ленийские комические представления существовали, но только проходили не в специально оборудованном месте, а прямо на улицах, перед домами (с пропагандистской точки зрения это было, как минимум, не

менее эффективно, а с точки зрения «карнавальной» – даже более логично).

В типично карнавальной обстановке дионисийских празднеств⁴² приближение остракизма получало особый контекст. Как комедии, так и фаллические песни активнейшим образом использовались для персональной инвективы. Афинские граждане, особенно влиятельные и общеизвестные, осыпались насмешками. Создавались своего рода «словесные шаржи», которые затем широко распространялись в полисной среде и могли серьезно влиять на индивидуальные, в том числе политические, позиции афинян⁴³.

Жанр комедии предполагал использование определенного набора стандартных образов, клише (тем более что древняя аттическая комедия была комедией масок), в рамки которых авторами укладывались персонажи, в том числе и воплощавшие вполне реальных людей. Образы «хвастливого воина», «ученого шарлатана», «скупого старика», «хитрого раба» и т.п., имевшие вполне фольклорные истоки, в V в. до н.э. по-прежнему были неотъемлемым элементом драм Аристофана и современных ему комедиографов (Кратина, Евполида, Гермиппа, Платона Комика и др.). Известные в полисе лица – как политики и полководцы (Перикл, Ламах, Никий, Демосфен), так и деятели культуры (Сократ, Еврипид, Метон, Агафон и др.) – изображались в виде таких вот стандартных образов, причем, что интересно, под своими собственными именами⁴⁴. А шарж, карикатура, как известно, всегда значительно лучше укладывается в память и сознание, нежели реалистический, многомерный портрет.

Инвективы в комедиях и инвективные приписки на остраконах – явления, по справедливому мнению Ш. Бренне⁴⁵, принадлежащие к одному и тому же репертуару. Иными словами, насмешки, которыми осыпали на дионисийских празднествах комические хоры видных граждан, становились популярными и могли напрямую переключиваться с карнавальных действий на черепки для голосования. Это подтвердила проделанная нами работа по поиску параллелей для приписок на остраконах в памятниках комического жанра классической эпохи. Такие параллели отыскивались в немалом количестве. Соответствующие данные приводятся нами в книге «Остракизм в Афинах» (гл. IV, п. 4), и здесь мы не будем их дублировать, поскольку это чрезмерно увеличило бы объем статьи и увело бы нас в сторону от основной нити изложения.

Надписи на глиняных «бюллетенях» показывают, что многие афиняне любили и позволяли себе пошутить на остракофории, очевидно, ощущая наряду с серьезной, официально-политической стороной этого мероприятия также и его карнавальную, смеховую сторону. Шутки на остраконах подчас весьма остроумны,

представляют собой краткие и меткие характеристики тех или иных конкретных личностей или ситуаций. Приведем несколько примеров.

На одном из остраконов, направленных против Мегакла, сына Гиппократы, из рода Алкмеонидов, высказывается предложение, чтобы из полиса были изгнаны сам Мегакл «и конь» (καὶ ἵππο). Намек был предельно понятен каждому афинянину: предметом особой гордости Мегакла была четверка коней, с которой он несколько позже, уже после своего остракизма, одержал победу на Пифийских играх. Еще более ярка надпись на черепке против Кимона: Κίμων Μιλτιάδου Ἐλπίνικην λαβὼν ἵτω – «Пусть Кимон, сын Мильтиада, убирается, взяв Эльпинику». Упомянутая здесь Эльпиника была родной сестрой Кимона, и по городу циркулировали слухи об их незаконном сожителстве. Ранее об этом было известно только из нарративной традиции, и сам факт бытования таких слухов уже во времена Кимона иногда признавался неисторичным в исследовательской литературе. Однако теперь, как видим, неожиданно появилось его подтверждение данными аутентичного эпиграфического памятника⁴⁶. Среди многочисленных остраконов с именем Фемистокла есть такой, на котором этого политика требуют изгнать «почета ради» (τιμῆς ἔνεκα). Здесь перед нами тоже вполне прозрачный намек. Фемистокл отличался непомерным честолюбием, и, следует думать, это не осталось незамеченным его согражданами.

Юмор на остраконах подчас принимает достаточно своеобразную форму. Так, некоего Агасия довольно грубо обозвали ослом (ὄνος). Впрочем, П. Бикнелл небезосновательно полагает⁴⁷, что это не банальное ругательство, а шутивная ассоциация остракизма и остракинды – детской игры с черепками, в которой словом «осел» обозначался проигравший (Poll. IX. 112). Еще одного афинянина, чье имя на черепке не сохранилось, кто-то из его сограждан намеревается проглотить (καταρροφήσομαι). Это, конечно, тоже шутка.

На нескольких остраконах фигурирует некто Λιμὸς Εὐπατρίδης («евпатрид Лим»), еще на одном написано Λιμὸν ὀστρακίζω («Я изгоняю Лима»). Слово λιμός по-гречески означает «голод», и в высшей степени маловероятно, чтобы кто-нибудь из афинян носил такое имя. Тут мы, по всей очевидности, имеем дело с очередным проявлением остроумия: писавший советует изгнать из страны голод⁴⁸. Кстати, этот случай особенно характерен и показателен для демонстрации карнавальных черт остракизма. Карнавал предполагал периодическое возрождение, помимо прочего, посредством избавления от негативных явлений, их «изгнания». В числе этих явлений был, разумеется, и голод.

Помимо «словесных шаржей», на некоторых остраконах фигурируют и самые настоящие шаржи в прямом смысле слова – сделанные голосовавшими рисунки карикатурного характера. В частности, на одном из черепков против упоминавшегося выше Мегакла, сына Гиппократата, имеется изображение всадника – сюжет, вряд ли нуждающийся в комментариях, учитывая активные занятия Мегакла конным спортом. На другом остраконе с его же именем нарисована нижняя часть лежащего тела мертвого человека: писавший желал Мегаклу смерти? Или это аллегория для изгнания?

Еще на одном остраконе Мегакла – рисунок лисы; скорее всего, это намек на дем Алопеку, из которого происходил названный политик (ἄλωπιξ – лисица). А на совсем недавно опубликованном «бюллетене» против того же лица – мастерски выполненная стилизованная сова, точь-в-точь такая же, как на афинских монетах. Сова являлась в Афинах чем-то вроде герба или государственной печати; рисуя ее на остраконе, голосующий, возможно, хотел таким образом придать этому документу официальную силу. Впрочем, перечисленными случаями «мир животных» на остраконах не исчерпывается. Еще на одном памятник этого рода – змея, на другом – какой-то неидентифицируемый зверь, то ли корова, то ли медведь (специфические условия процарапывания изображений на глиняной поверхности часто приводили к низкому качеству этих изображений). А между тем символика, связанная с животными, тоже весьма характерна для карнавальных форм культуры. Достаточно вспомнить – уже далеко не в первый раз – о древней аттической комедии с ее хорами, состоящими из людей, переодетых в животных⁴⁹.

Каллий, сын Кратия, носивший прозвище «Мидянин» (т.е. «перс»)⁵⁰, изображается на карикатуре, как и следовало ожидать, в персидском платье: в штанах, тиаре, с луком в руках. Один из остраконов против Калликсена, сына Аристонима, из рода Алкмеонидов, буквально покрыт изображениями. Помимо портрета самого «кандидата» (голова бородатого мужчины в венке), на нем имеется также рисунок ветви. Это почти несомненно гикетерия – священная ветвь, которую держали в руках молящие о защите и убежище: Калликсену припоминают «Килонову скверну», родовое проклятие Алкмеонидов, перебивших в 636 г. до н.э. мятежников, которые укрывались в святилище на Акрополе. Наконец, есть на черепке еще и изображение рыбы. П. Бикнелл идентифицирует эту рыбу как триглу (*mullus barbatus*), которая считалась в Античности самым прожорливым из морских животных, не брезгующим даже падалью⁵¹. Калликсен (а, может быть, и все Алкмеониды), таким образом, обвиняется здесь во «всядности», беспринципности.

* * *

Создается впечатление, что афиняне, оставившие на остраконах все эти приписки и карикатуры, приходили на остракофорию в совершенно специфическом, праздничном расположении духа. Смеясь и весело дурачась, они решали вопрос об изгнании виднейших государственных деятелей.

Для остракизма в Афинах V в. до н.э. и в целом было характерно карнавальное «переворачивание» обычных политических отношений, причем проявлялось это в различных аспектах. С одной стороны, демос в день голосования черепками властно распоряжался судьбами политических лидеров (ср. образы афинских политиков – Никия, Клеона и др. – как слуг старика Демоса в карнавальном жанре комедии, во «Всадниках» Аристофана). С другой стороны, применение остракизма часто приводило к реальному «переворачиванию» всей политической ситуации, когда один лидер уходил, а на его место приходил другой – подобно тому, как в карнавальных фольклорных действиях новый царь сменяет старого⁵².

Мы привели в поддержку выдвигаемого в данной статье тезиса ряд аргументов различного плана. Не сомневаемся в том, что они обладают неодинаковой силой доказательности, в связи с какими-то из них у читателей наверняка возникнут сомнения. Создают ли эти аргументы в совокупности некую «критическую массу», которая позволит говорить о «карнавальном» характере остракизма пусть не с уверенностью, но с определенной долей вероятности? Автору трудно судить. Тем не менее, если нам удалось показать, что идея хотя бы имеет право на существование, мы могли бы считать свою задачу в основном выполненной.

¹ Об остракизме в этих полисах см.: Суриков И.Е. Остракизм и остраконы: В Афинах и за их пределами // *Hypoboreus*. 2000. Vol. 6, fasc. 1. P. 103–123.

² См. последний по времени обзор этой информации: Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v.Chr.) / Hrsg. von P. Siewert. Stuttgart, 2002. Это издание пока не закончено; на сегодняшний день подготовлен и опубликован только первый том, в который вошли наиболее ранние свидетельства. См. также нашу рецензию (*Вестник древней истории*. 2005. № 2. С. 175–182).

³ Автору этих строк неоднократно приходилось писать о различных аспектах истории остракизма. Наши разработки в этой сфере нашли окончательное воплощение в монографии: Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. Это освобождает нас от необходимости подробного освещения тех или иных конкретных деталей в данной статье: соответствующий эмпирический материал читатель сможет найти в указанной книге. Отметим также главные зарубежные исследования, в которых рассматривается процедура остракизма в целом:

- Carcopino J.* L'ostracisme athénien. 2nd ed. P., 1935; *Calderini A.* L'ostracismo. Como, 1945; *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970; *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.
- ⁴ Наиболее подробно о принятии закона об остракизме и его первом применении см.: *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Aarhus, 1972.
- ⁵ Из недавних работ о последней остракофории (остракофорией, «несением черепков», называлась каждая конкретная акция по применению остракизма) см.: *Rhodes P.J.* The Ostracism of Hyperbolos // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis.* Oxford, 1994. P. 85–98; *Hefner H.* Der Ostrakismos des Hyperbolos: Plutarch, Pseudo-Andokides und die Ostraka // *Rheinisches Museum für Philologie.* 2000. Bd. 145. S. 32–59; *Idem.* Zur Datierung der Ostrakisierung des Hyperbolos // *Rivista storica dell'antichità.* 2000. Vol. 30. P. 27–45. Обоснование датировки этого события именно 415 г. до н.э. см.: *Суриков И.Е.* К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // *Античность: эпоха и люди.* Казань, 2000. С. 17–27.
- ⁶ *Christ M.R.* Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath. pol. 43, 5 // *Classical Quarterly.* 1992. Vol. 42, N 2. P. 336–346; *Hefner H.* Ende und 'Nachleben' des Ostrakismos in Athen // *Historia.* 2003. Bd. 52, Hft. 1. S. 23–38.
- ⁷ Детальная аргументация данного тезиса приводится нами в работах: *Суриков И.Е.* Остракизм и остраконы...; *Он же.* Функции института остракизма и афинская политическая элита // *Вестник древней истории.* 2004. № 1. С. 3–30; *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* У истоков остракизма // *Власть, человек, общество в античном мире.* М., 1997. С. 252–260. См. также: *Vinogradov J.G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike // *Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr.* Mainz, 2001. S. 379–386.
- ⁸ Например: *Hall L.G.H.* Remarks on the Law of Ostracism // *Tyche.* 1989. Bd. 4. S. 91–100; *Siewert P.* Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano).* 1991. Vol. 17. P. 3–14; *Mirhady D.C.* The Ritual Background to Athenian Ostracism // *Ancient History Bulletin.* 1997. Vol. 11, N 1. P. 13–19.
- ⁹ О древнегреческих ритуалах, в которых использовались фармаки, см.: *Frazer J.G.* The Golden Bough: 3rd ed. L., 1920. Vol. 6. Passim; *Gebhard V.* Die Pharmakoi in Ionien und die Sybackhoi in Athen. Munchen, 1926; *Burkert W.* Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions. Cambridge (Mass.), 1996. P. 51 ff.; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 233.
- ¹⁰ Говорим о «грехах», конечно, cum grano salis. В целом древнегреческой религии было чуждо этическое понятие греха. Ср.: *Grube G.M.A.* Euripides and the Gods // *Euripides. A Collection of Critical Essays.* Englewood Cliffs, 1968. P. 37; *Каждан А.П.* Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957. С. 184; *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 38.
- ¹¹ Ср. обычай, бытовавший на острове Левкада и описанный Страбоном (X. 452): «У левкадцев существовал унаследованный от отцов обычай на ежегодном празднике жертвоприношения Аполлону сбрасывать со сторожевого поста на скале одного из обвиненных преступников для отвращения гнева богов; к жертве привязывали всякого рода перья и птиц, чтобы парением облег-

читать прыжок, а внизу множество людей в маленьких рыбацких лодках, расположенных кругом, подхватывали жертву; когда преступник приходил в себя, его, по возможности *невредимым*, переправляли *за пределы своей страны*» (курсив везде наш. – *И.С.*). Эта информация, как нам кажется, говорит сама за себя и не нуждается в комментариях: настолько много точек соприкосновения с остракизмом.

- ¹² См., например: *Larsen J.A.O.* Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens // *Essays in Political Theory Presented to G.H. Sabine*. Ithaca, 1948. P. 16; *Heuss A.* Vom Anfang und Ende 'archaischer' Politik bei den Griechen // *Gnomosyne: Menschliches Denken und Handeln in der frühgriechischen Literatur*. München, 1981. S. 27; *Weber C.W.* Athen: Aufstieg und Größe des antiken Stadtstaates. Herrsching, 1981. S. 154; *Mossé C.* Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992. P. 358; *Robinson E.W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 40–41, 62; *Vinogradov J.G.* *Op. cit.* S. 379.
- ¹³ Публикацию этого важного текста см.: *Keaney J.J., Raubitschek A.E.* A Late Byzantine Account of Ostracism // *American Journal of Philology*. 1972. Vol. 93, N 1. P. 87–91.
- ¹⁴ Об этих тенденциях, их сосуществовании и диалектическом противоборстве в полисных условиях см.: *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 48–53.
- ¹⁵ Ср.: *Jones J.W.* The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxford, 1956. P. 119; *Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 29, 55, 118–119; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 101.
- ¹⁶ По проблемам соотношения между устными и письменными элементами культуры в классической Греции в целом см.: *Harris W.V.* Ancient Literacy. Cambridge (Mass.), 1989; *Thomas R.* Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989; *Eadem.* Literacy and the City-State in Archaic and Classical Greece // *Literacy and Power in the Ancient World*. Cambridge, 1991. P. 33–50; *Eadem.* Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1992; *Hedrick Ch.W.* Writing and the Athenian Democracy // *The Birth of Democracy*. Athens, 1993. P. 7–11; *Idem.* Writing, Reading, and Democracy // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis*. Oxford, 1994. P. 157–174; *Lazzarini M.L.* La scrittura nella città: iscrizioni, archivi e alfabetizzazione // *I Greci: Storia, cultura, arte, società*. Torino, 1997. Vol. 2. II. P. 725–750.
- ¹⁷ *Суриков И.Е.* Функции института остракизма... С. 24 и след.
- ¹⁸ По выражению Аристотеля (Pol. 1284b20), *οτρακιστις*. Суждения Аристотеля об остракизме (см. о них: *Raubitschek A.E.* Aristoteles über den Ostrakismos // *Tyche*. 1986. Bd. 1. S. 169–174; *Schubert Ch.* Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1993. S. 23 ff.) следует вообще признать наиболее ценными во всей античной нарративной традиции).
- ¹⁹ *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990. С. 14.
- ²⁰ Там же. С. 95.
- ²¹ Там же. С. 16.
- ²² Нам уже приходилось не столь давно писать о некоторых проявлениях карнавального начала в афинской культуре классической эпохи: *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 208 и след., 273 и след.

- ²³ *Пиотровский Адр.* Театр Аристофана // Адриан Пиотровский: Театр. Кино. Жизнь. Л., 1969. С. 178. Ср. также: *Cornford F.M.* The Origin of Attic Comedy. 2nd ed. Cambridge, 1934. P. 33.
- ²⁴ Яркую характеристику «противоборства» Диониса и Аполлона см.: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 34 и след.
- ²⁵ Обратимся в данной связи вновь к левкадскому ритуалу, описание которого, сделанное Страбоном, приведено нами в примеч. 11. К преступнику, сбрасываемому со скалы, «привязывали всякого рода перья и птиц «ἐξαιτομένων ἐξ αὐτοῦ παντοδαλῶν πτερῶν καὶ ὀρνέων»). Крайне сомнительно, чтобы это действительно помогало «парением облегчить прыжок (ἀναχουφίσειν... τῇ πτήσει τὸ ἄλμα)». Нам представляется, что подлинная цель описанных действий была все-таки иной. Это, видимо, рудимент карнавного обряда «ряженных», маскарада. Преступник, падающий со скалы, должен был символизировать птицу.
- ²⁶ См. на примерах античных и иных ритуалов карнавного характера: *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 82 и след. О греческой катартике в более широком контексте см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 233 и след.
- ²⁷ В связи со сказанным обратим внимание на следующее обстоятельство. Иногда считается, что остракизм принадлежал к категории так называемых νόμοι ἐπ' ἀνδρί, т.е. законов, имеющих не общую силу, а направленных против одного конкретного лица, *leges ad hominem* (например: *Gomme A.W.* Ostracism // The Oxford Classical Dictionary. Oxford, 1949. P. 630). Это неверно: именно по-стольку, поскольку при принятии решения об остракофории никакого конкретного имени в связи с ней не называлось, остракизм не был направлен против одного лица и потому не может считаться νόμος ἐπ' ἀνδρί. См.: *Reinmuth O.W.* Ostrakismos // Der Kleine Pauly. Lfg. 20. Stuttgart, 1979. Sp. 376. К этой категории относились, в частности, законы о даровании афинского гражданства, о предоставлении безопасности желающим сделать донос или внести предложение, которое могло быть воспринято как противозаконное, и т.п.
- ²⁸ На открытых к сегодняшнему дню остраконах читаются имена около 180 различных лиц (не считая сохранившихся частично). Имеем в виду только имена тех граждан, которые фигурируют на черепках в качестве «кандидатов» на изгнание. Принципиальный недостаток наиболее подробного к сегодняшнему дню каталога имен на остраконах (*Brenne S.* Ostrakismos and Prominenz... S. 87–314) заключается в том, что в нем недифференцированно даются имена самих «кандидатов» и имена их отцов, что создает немалые трудности при работе с этими данными.
- ²⁹ Нашу интерпретацию числа 6000, упоминаемого традицией в связи с остракизмом (минимальное количество поданных против одного лица голосов, обязательное для его изгнания, а не общий кворум, необходимый для признания процедуры состоявшейся) см.: *Суриков И.Е.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1(6). С. 16 и след.
- ³⁰ Ср. о «сегментации политической жизни» в классических Афинах: *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56–134.
- ³¹ На примере политической ситуации в Афинах 480-х годов до н.э., когда остракизм применялся особенно интенсивно, см.: *Суриков И.Е.* Политическая

- борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 118–130.
- ³² Ср. ситуации 480 г. до н.э., когда в связи с персидским нашествием пришлось досрочно возвращать всех изгнанных остракизмом лиц, и 450-х годов до н.э., когда изгнание Кимона и некоторых других авторитетных лидеров привело к политическому дисбалансу и ряду военных неудач.
- ³³ Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxford, 1994. P. 15; Mitchell L.G., Rhodes P.J. Friends and Enemies in Athenian Politics // Greece & Rome. 1996. Vol. 43, N 1. P. 26.
- ³⁴ Об этих приписках см.: *Mattingly H.B.* Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // The University of Leeds Review. 1971. Vol. 14, N 2. P. 277–297; *Siewert P.* Op. cit.; Brenne S. Ostraka and the Process... Наконец, наиболее подробная на сегодняшний день их комментированная сводка, составленная Ш. Бренне, имеется в издании «Ostrakismos-Testimonien I» (см. примеч. 2).
- ³⁵ В целях большего удобства для читателей мы транскрибируем надписи на остраконах со староаттической орфографии на более привычную ионийскую.
- ³⁶ Первая публикация этого остракона: *Raubitschek A.E.* The Ostracism of Xanthippos // American Journal of Archaeology. 1947. Vol. 51, N 3. P. 257–262. Наш перевод ориентируется, как на наиболее убедительное, на прочтение памятника, предложенное А. Вильгельмом (*Wilhelm A.* Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse. 1949. Bd. 86, N. 12. S. 237–243).
- ³⁷ Ср., например: *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 22. Об obscene лексике в таком типично карнавальном жанре, каким была древняя аттическая комедия, см.: *Henderson J.* The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2nd ed. Oxford, 1991.
- ³⁸ Ср.: *Calhoun G.M.* Athenian Clubs in Politics and Litigation. N.Y., 1970. P. 138–139.
- ³⁹ Например, на заседаниях экклесии (ср.: *Карпюк С.Г.* Гипербол, «человек негодный» // Вестник древней истории. 1998. № 4. С. 150).
- ⁴⁰ Это исключительно ценное наблюдение было впервые сделано Ш. Бренне. См.: Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1992. Bd. 107. S. 183–184; *Idem.* Ostraka and the Process... P. 13.
- ⁴¹ Главный дионисийский праздник – Великие Дионисии – проходил уже после остракофории.
- ⁴² Ср. характеристику Малых Дионисий: «Для празднования сельских Дионисий обыкновенно сходились вместе родичи, мужчины и женщины, господа и рабы... Составлялись веселые пирушки, при которых не было недостатка во всевозможных шутках и островах... Были в ходу переодевания и импровизированные мимические представления... Впоследствии в некоторых значительнейших и зажиточнейших демах давались и настоящие драматические представления» (*Латышев В.В.* Очерк греческих древностей: Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 134–135). В.В. Латышев писал в конце XIX в., когда в науке еще совсем не разрабатывались вопросы, связанные с карнавальными формами культуры. И тем не менее уже от его внимания не ускользнул ряд черт, которые мы назвали бы чисто карнавальными (вплоть до переодеваний и т.п.).
- ⁴³ Об инвективах, направленных против конкретных личностей, в аттической комедии и об их типологии см. наиболее подробно: *Storey I.* Poets, Politicians

- and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // *Classics Ireland*. 1998. Vol. 5. P. 85–134. В этой работе как раз акцентируется тот момент, что в комедии, как в карнавальном жанре, эти инвективы имели всецело шуточный характер и не воспринимались зрителями серьезно. В целом мы солидарны с данной точкой зрения, однако считаем, что она нуждается в ограничивающих замечаниях. Ср.: Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания... С. 281–282. И. Стори чрезмерно категорично утверждает, что насмешки комедиографов вообще не оказывали никакого влияния на общественное мнение, не формировали определенных (причем негативных) образов тех или иных граждан. Из других исследований по проблеме см.: *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971; *Stark I.* Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beiträger und Klaffärsche. Die Warnung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie*. Stuttgart; Weimar, 2002. S. 147–167.
- ⁴⁴ Периодически предпринимались попытки запретить насмешки «по именам», т.е. персональную инвективу в комедии, но успеха подобные запреты не имели. Одним из таких случаев была псефисма Сиракосия, о которой см: *Trevett J.* Was There a Decree of Syrakosios? // *Classical Quarterly*. 2000. Vol. 50, N 2. P. 598–600.
- ⁴⁵ *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 23.
- ⁴⁶ См.: *Cromeley R.D.* The Mysterious Woman of Kleitor: Some Corrections to a Manuscript Once in Plutarch's Possession // *American Journal of Philology*. 1991. Vol. 112, N 1. P. 91; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 140; Суриков И.Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // *Античный мир и его судьбы в последующие века*. М., 1995. С. 47.
- ⁴⁷ *Bicknell P.J.* Agasias the Donkey // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1986. Bd. 62. S. 183–184.
- ⁴⁸ *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 214–216. Там же предполагается, но сразу признается маловероятной, и другая возможность (Λιμός могло быть прозвищем какого-нибудь афинянина).
- ⁴⁹ См.: *Sifakis G.M.* Parabasis and Animal Choruses: A Contribution to the History of Attic Comedy. L., 1971.
- ⁵⁰ См. о нем: *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. Vol. 51, N 1. P. 69–73.
- ⁵¹ *Bicknell P.J.* Agora Ostrakon P 7103 // *L'Antiquité classique*. 1974. Vol. 43. P. 334–337. В целом о Калликсене см.: *Stamires G.A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // *Hesperia*. 1950. Vol. 19, N 4. P. 376–390.
- ⁵² См. о такого рода действиях наиболее подробно: *Cornford F.M.* Op. cit. Passim.